

Покуда Жэнь Ши отправился во Дворец миражей, Гу Сюньчжи так и оставался в своих покоях — крошечном дворе, примыкавшем к поместью князя, — и мерился взглядами с Сяо Цуй, недавно появившейся у него служанкой.

В последнее время Его Высочество был поглощён дракоными делами и почти не нуждался в советнике. Поэтому Гу Сюньчжи не спешил показываться на глаза — лишь ежедневно навещался в библиотеку поместья, болтал с коллегами, собирал слухи о жизни двора, после выходил за ворота, покупал у лоточников что-нибудь поесть и вразвалку брёл домой. Так он жил уже много лет подряд. Размеренно. Привычно.

Вот только к одиночеству он привык, а когда в доме появился посторонний человек, всё стало каким-то... не таким. Да ещё коллеги, прослышав о том, что князь прислал ему красавицу-служанку, не упускали случая подшутить — и насмешки были столь неотвязны, что он и в поместье-то лишний раз заходить не хотел. Одним словом, неудобств прибавилось.

Насчёт Сяо Цуй всё оказалось так, как он и предполагал: родилась она не в поместье. По её собственным словам, управляющий недавно нанял работаровца — набирали кухонных и прочих служанок на чёрную работу. Сначала управляющий её не выбрал, но мимо как раз проходил Его Высочество — заметил девушку, нашёл хорошенькой и доплатил лишние десять лянов серебра, только из прихоти.

Сяо Цуй похитили ещё в детстве. Через несколько рук она добралась до поместья — и это, пожалуй, стоило считать везением. Родных она не знала, найти их не надеялась.

Будь она коренной служанкой поместья, Гу Сюньчжи мог бы попросить князя перевести её обратно. Но купленная мимоходом по прихоти, она там была бы не ко двору — скорее всего, её бы перепродали. Жалея её, он не мог заставить себя выставить девушку вон. Пусть пока остаётся, — решил он. Через несколько лет, если в поместье понадобятся люди, можно будет переговорить с Его Высочеством.

Однако смиренной простушкой, которой Сяо Цуй поначалу прикидывалась, она оказалась вовсе не такой. Должно быть, понимала: не удержится — неизвестно ещё, куда продадут в следующий раз. Она всё чаще бывала в поместье, подружилась с тамошними служанками и, видя, что Гу Сюньчжи совсем не стар на вид и обращается с ней по-хорошему, начала заигрывать — осторожно, но явно.

К счастью, смелости у неё было немного, а жизненного опыта — и того меньше. Дальше игривых взглядов из-под ресниц дело не шло: стоя рядом, пока он умывался или ел, она стреляла глазами и жеманно тянула: «Господи-ин Гу-у...» Щёки при этом полыхали, как пионы, а глаза хлопали так часто, что Гу Сюньчжи казалось — того и гляди, вывихнет веки. Ему живо вспомнились лисы-оборотни, которых на горе Бикун то и дело заносило к его шисюну, — те принимали человеческий облик примерно с таким же умением: хвост не спрятан, туши на себя столько, что в темноте не разглядишь.

Смеяться Гу Сюньчжи не стал — пожалел её.

Горных лис и ястребов-оборотней, то и дело наведывавшихся к шисюну, он ещё помнил. Принаряжались примерно так же — в поддельной красоте, как в маскараде. Шисюн всякий раз хватал незваную гостью за хвост и выбрасывал за порог. Сам Гу Сюньчжи тогда был совсем мал и ничего не понимал.

— Шисюн, а зачем они приходят? — спрашивал он.

— Воруют моё сокровище, — отвечал тот с полной серьёзностью. — Хотя они не злодейки, убивать не нужно. Просто выгоняй.

— А сокровище где? Покажи!

Шисюн немного подумал и сказал, что, в сущности, ничего особенного — такое есть у всех, и не ровня оно спелым сливам на дереве за задней горой. Стоило прозвучать слову «сливы», как Гу Сюньчжи тут же захотел их попробовать. Он потащил шисюна на поиски, позабыв про всякие сокровища.

Вспоминать об этом было немного стыдно.

Гу Сюньчжи взглянул на Сяо Цуй. Шисюн говорил — тащи за хвост и выгоняй. Но у этой никакого хвоста нет.

Он с горькой усмешкой покачал головой, взял лист из стопки бумаги, что подарил ему шисюн, и начал писать письмо.

Он хотел написать про сливы с задней горы и про сокровище — помнит ли тот? Хотел спросить, не захаивают ли теперь к нему лисы и ястребы в женском облики. Хотел рассказать, что ему самому подсунули бесхвостого ястреба, и он понятия не имеет, что с ним делать. Но главное — хотел признаться, что очень, очень по шисюну скучает.

Слова, однако, легли на бумагу иначе. Долгие годы в поместье Гу Сюньчжи писал за князя тысячи писем — официальные донесения и семейные послания, деловые и шуточные, почтительные и фривольные. В каждом из них не было ни крупицы искренности. Так он научился говорить о том, что у него на сердце.

Получилось лишь: Я здоров, всё в порядке, шисюн может не беспокоиться.

Он написал, поставил подпись — и только тут почувствовал неладное. Задумался, не порвать ли и не написать ли заново. Но бумага Сюэ Тао, видно, жила своей жизнью: не успел он опомниться, как лист сложился птицей и упорхнул в окно. Гу Сюньчжи рванулся следом — поскользнулся и потянул поясницу.

В его годы такое не шутка.

Лекарств, которых наоставлял шисюн, было немало, но ни одного от поясницы. Несколько дней Гу Сюньчжи пролежал ничком в постели, и еду ему подносила Сяо Цуй прямо к изголовью. Без неё он и не знал бы, как обойтись. Беда и радость — одна монета, размышлял он, хотя затруднялся бы сказать, что перевешивает. Письмо ушло — оставалось ждать ответа.

А ответ не приходил.

Гу Сюньчжи лежал, уставившись в потолок, и ждал. Он всё рассчитал: скорость бумажной птицы, расстояние от столицы до Горы Лазурного неба, время, что шисюну могут понадобиться на сборы трав или варку пилюль, на обдумывание письма, на гостей, которые, быть может, некстати явились... Он перебрал всё, что только мог придумать. Ответ давным-давно должен был прийти. Каждый день он смотрел в окно. Велел Сяо Цуй быть осторожней при уборке — вдруг птица уже прилетела, а он не заметил. Ответа не было. Это его угнетало.

Чего Гу Сюньчжи не знал: пока он всё это высчитывал, его бумажная птица ещё только начинала путь к Южному морю. Он не додумался до одного — шисюн уже покинул Горы Лазурного неба. И оставалось только ждать день за днём.

Поясница понемногу заживала, можно было вставать и ходить по комнате, хотя боль давала о себе знать. Гу Сюньчжи не считал это бедой. Боль напоминала ему, что он жив — а он уже долго ощущал себя мертвецом, который просто ест, спит и говорит слова, в которые ни во что не верит. Сердце у него давно остыло. Разве что когда думал о шисюне — вот тогда в груди становилось жарко.

Когда он наконец добрался до библиотечной башни, прошло полтора месяца. Волосы побелели ещё немного, в руке появилась трость. Перемены были, в общем-то, невелики — но выглядел он разом постаревшим. Молодые коллеги переглянулись, вспомнили про красавицу-служанку и принялись хихикать за спиной. Оправдываться было бесполезно — он только стиснул зубы и сделал вид, что не слышит.

Его Высочество же обрадовался его появлению. Синий дракон жил в поместье уже полмесяца, и князь каждый день потчевал гостя яствами и занимал беседой — лишь бы не нагадил чего. Ситуация покуда держалась. Однако оставалась загвоздка: даже если кто-то и мог задержать дыхание и войти в комнату, где горело Благовоние «Пьяный сон», не поддавшись его действию, — наложить в таком состоянии Верёвку, связывающую драконов, на живого дракона не смог бы никто.

На физическую силу Гу Сюньчжи Его Высочество, разумеется, не рассчитывал. Но шисюн, из доброй воли снабдивший их благовонием, — не поможет ли ещё немного?

Гу Сюньчжи только улыбнулся:

— Я недавно послал шисюну весточку, но ответа пока не получил. Когда я в последний раз был в горах, он упоминал, что собирается куда-то уехать — не знаю, когда вернётся. Если удастся с ним связаться, непременно попрошу помочь Вашему Высочеству.

Слова эти он придумал на ходу. Но едва произнёс — и сам почти поверил: а вдруг шисюн и правда в дороге, потому и не отвечает? Эта мысль согрела.

Пусть бы так и было.

Его Высочество, судя по всему, особых надежд не питал. Он махнул рукой:

— Ничего страшного. Придумаю что-нибудь другое. Только если шисюн вернётся — обязательно зови его в поместье.

— Непременно, непременно, — повторял Гу Сюньчжи, отлично зная: шисюн ни за что не придёт.

Его Высочество ещё не кончил говорить, а уже спешил прочь — Синий дракон требовал неусыпного внимания. Гу Сюньчжи проводил его взглядом, повернулся и пошёл к себе.

Только переступил порог — прилетел ответ шисюна.

<http://bllate.org/book/17555/1709490>